

ГЛАВА XII

Опыт зарубежной жизни

“Чтобы любовь ваша еще более и более возростала в познании и всяком чувстве, чтобы, познавая лучшее, вы были чисты и непреткновенны...”

Флп. 1:9-10

Братья настоятельно призывали меня уехать за рубеж, советовали опубликовать там информацию о преследованиях в России, добиваться духовной и финансовой помощи нашему делу и братьям, присылать из-за границы литературу для моральной поддержки верующих.

Пока я оставался в Санкт-Петербурге, работая и действуя по совету братьев, меня искала тайная полиция. Однажды я зашел к брату Берникову. Спустя несколько минут после моего ухода к нему пришел агент тайной полиции в сопровождении дворника и спросил меня! Естественно, было бы неразумным дольше оставаться в этом городе, и мне немедленно предложили выехать за рубеж.

Я познакомился с американцем, который представлял в России “Вортингтон памп компани” и “Вестингауз эйр брейк компани”. Он планировал открыть офис в Санкт-Петербурге. Знакомство произошло типично по-русски. Его жена-американка очень интересовалась работой Евангелической миссии, и они наняли служанку, которая была членом нашей церкви в Санкт-Петербурге. Та рассказала им о своей евангелической вере и о наших тайных собраниях. Таким образом, американская леди посетила одно из наших тайных собраний, на следующее собрание привела своего мужа, и мы познакомились.

Этот человек пригласил меня посетить его офис вместе с финским пастором С. Мы обсудили наши дела, и последний согласился организовать для меня выезд за границу через Финляндию.

В запланированный вечер в январе 1895 года пастор С. ждал меня на вокзале. Я торопился на поезд, позади меня на расстоянии нескольких шагов следовал брат Мешанинов и нес мой чемодан. Молча я сел в поезд. Мы расстались с братом Мешаниновым, обменявшись лишь несколькими словами. Так мы с пастором С. благополучно начали наше путешествие. В то время Финляндия входила в состав России, жандармы тщательно проверяли всех пассажиров на Финляндской железной дороге, точно так же, как и во всех губерниях России. К счастью, я не

вызвал подозрений у тех, кто видел меня, и смог продолжить путешествие.

Сначала мы отправились в местечко Акенес, где провели ночь в доме пастора. Затем мы остановились в Гельсингфорсе, где я жил какое-то время у людей по фамилии Американца.

Друзья укрывали меня два с половиной месяца

В Гельсингфорсе мы еще раз обсудили мои дела и решили, что мне следует уехать из Финляндии за границу первым же пароходом, отплывающим из Або — самого большого порта Финляндии. Но я приехал в Гельсингфорс в середине февраля, навигация начиналась только в конце апреля, так что мне нужно было переждать это время где-нибудь в деревне.

Через несколько дней в Гельсингфорс вернулся пастор С. и сообщил, что удалось найти для меня пристанище. Он проводил меня до станции, а оттуда в замок барона Х., искреннего брата-христианина, симпатизировавшего всем, страдающим за Христа.

У меня была маленькая, но чистая комната на третьем этаже, в которой я проводил время, читая книги, изучая английский язык и сочиняя стихи. Трижды в день я спускался к столу на завтрак, обед и ужин. Еда была обильной. Мне нельзя было покидать замок даже для небольшой прогулки, потому что мое присутствие было тайной. Однажды русский чиновник нанес визит барону Х., но меня благополучно укрыли на чердаке.

Хотя я по сути был пленником в замке, время шло очень быстро. При случае я сочинял разные стихи и гимны, многие из которых теперь стали популярны. В замке эти гимны были окончательно доработаны и сложены другие.

Насколько я помню, некоторые из гимнов, которые теперь очень популярны у верующих в России, были написаны в период между отъездом из Владикавказа и пересечением границы Финляндии. Например, гимн № 74 из цикла "Песни христианина".

1. О, нет, никто во всей вселенной
Свободы верных не лишит,
Пусть плоть боится цепи пленной
И пусть тюрьма ее страшит!
Но мысли, тьмой поращенной,
Сам Бог любви свободу дал,
И цепи ей, освобожденной,
Доныне мир не отковал!
2. О, нет, никто во всей вселенной
Нас чести нашей не лишит!

Пускай с враждою откровенной
Толпа позором нас клеймит —
Поднимем знамя правды вечной,
Любовью злобу обовьем
И честь не в славе быстротечной,
А в торжестве любви найдем.

3. О, нет, никто во всей вселенной
Не похитит богатств у нас!
Пусть на алтарь борьбы священной
От нас возьмут в жестокий час
И серебро, и что имеем —
Мы совесть чистой сохраним,
Мы тайной счастья овладеем
И ею мир обогатим!

Этот гимн я сочинил, когда ехал в поезде из Владикавказа в Санкт-Петербург, после того, как моего отца отправили в ссылку. Гимн был очень популярен во времена гонений, его исполняли как марш Евангельских христиан.

Следующий гимн я сложил во время путешествия из Санкт-Петербурга в Финляндию, когда надо мной висела угроза ареста. Гимны № 239 и 336 из книги песен "Гусли" и многие другие также были созданы в этот период.

Гимн № 325 "К неземной стране"

1. К неземной стране
Путь указан мне;
И меня влечет
Что-то все вперед.
2. Не растут цветы
На пути моем
Лишь шипов кусты
Вижу я кругом.
3. Соловьи зарей
Не ласкают слух,
Лишь шакалов вой
Слышу я вокруг.
4. Не сулит покой
Мне прохлады тень,
Но палящий зной
Жжет и ночь и день.
5. Не в тиши идет
Путь кремнистый мой,

Ураган ревет,
Пронсясь над мной.

6. Не среди лугов
Под шумок ручья,
По камням холмов
Пробираюсь я.
7. И встречаю я
Всюду крови след:
Кто-то шел, скорбя,
Средь борьбы и бед.
8. В черной мгле сокрыт
Путь суровый мой,
Но вдали блестит
Огонек живой.
9. Огонек горит
И хоть вихрь шумит,
Но меня влечет
Что-то все вперед.

Обстановка была темной и мрачной, но я видел вдалеке свет маяка, который ободрял меня. Это была песнь оптимизма веры, прошедшей через все испытания с верой в будущее, скрытое от нас.

В конце апреля опять приехал пастор С. и забрал меня из замка. Соблюдая все меры предосторожности, мы пришли на железнодорожную станцию в Бинасе и отправились оттуда в морской порт Або, из которого я должен был отплыть в Стокгольм. Обычно паспорта пассажиров просматривают жандармы, но все было устроено так, что меня посадили на пароход, не потребовав паспорта.

Мы с пастором С. совершили вместе краткую молитву на пароходе, затем я попрощался с ним и почувствовал себя очень одиноко.

Встреча с зарубежными друзьями-христианами

В Стокгольме я разыскал господина Стадлинга, очень известного репортера крупной шведской ежедневной газеты, который посещал Россию в 1892 году во время голода на Волге. Он был прекрасным христианином и проявлял глубокую заинтересованность в русском евангелическом движении. Он во многом помог мне. В городском саду Стокгольма я впервые увидел эскимосские жилища, которые произвели на меня громадное впечатление.

Из Стокгольма я отправился в Гамбург, где увиделся с Якобом Крукером, Генрихом Брауном и другими меннонитскими проповедниками, которые ранее выехали из России и учились служению. Впоследствии эти люди стали видными деятелями среди меннонитов.

Из Гамбурга я поехал в Париж, где мой младший брат Александр учился на медицинском факультете, а также посещал лекции по теологии на факультете протестантской теологии. Я с удивлением узнал, что французское правительство поддерживает факультет в связи с тем, что парижский университет уделяет внимание изучению протестантской теологии. Фактически это было высшее теологическое училище для французских протестантских церквей, ведущих свое происхождение от гугенотов.

Среди преподавателей факультета был г-н Бонне-Маури, очень приятный человек. Он глубоко интересовался евангелическим движением в России. Мы с братом дали ему много информации о русском штундизме, он опубликовал хорошую статью по вопросам религии в одном из французских журналов.

Из Парижа я отправился в Лондон. Здесь я не буду описывать свои первые впечатления от великого города, которые кратко можно выразить словами "огромный город!" У меня было рекомендательное письмо к г-ну Бедкеру и г-ну Адамсу, секретарю Евангелического Союза.

Как г-н Адамс, так и д-р Бедкер обсуждали со мной планы на будущее. Я надеялся поступить в Английский университет и посещать лекции по теологии, но я понял, что это совершенно нереально. При недостаточном знании английского языка эти лекции не дали бы мне значительных знаний по предмету, и незачем было тратить время и деньги. Однако мне предложили, чтобы я поступил в Баптистский колледж в Бристоле, и я принял предложение. Г-н Брукс, известный член Общества Друзей (Квакеров) обещал оплатить мое обучение.

"Дома" в Хекни Даунс

Проучившись год в Баптистском колледже, я поехал в Лондон и поступил в Новый Конгрегационный колледж. Причиной этому послужило мое желание вступить в контакт с другими деноминациями. Я хотел возможно более обстоятельно познакомиться со всеми протестантскими христианскими деноминациями Западной Европы.

Я жил в маленьком пансионе друзей (это был миссионерский дом) на Хекни Даунс и посещал лекции в Хемпстедском Новом колледже. Мой брат Александр приехал из Парижа заниматься

практической работой в лондонском госпитале, и я сумел поселить его со мной в "Доме Друзей".

Это было действительно счастливое время. Мы прилежно и с удовольствием учились, я продолжал вести обширную переписку с русскими братьями. Издание нашего журнала "Беседа" было перенесено в Лондон и оказалось в моих руках, так как мисс Кирхнер переехала из Стокгольма в Румынию. С большим трудом я осуществлял издательскую работу в Лондоне и рассылал нашу литературу по России заказными письмами.

Вкус подлинной свободы

Как русский эмигрант, я безмерно наслаждался свободой европейских стран, которой совершенно не было у меня на родине. Поражало, что в Англии можно устраивать религиозные собрания в любом месте, не спрашивая разрешения властей. Особенное впечатление произвели на меня религиозные собрания, которые устраивала на улицах Армия Спасения.

Меня ожидали открытия и в области политических свобод. Наиболее популярный общественный парк Лондона — Гайд-Парк, в котором разрешается проводить митинги без ограничений на открытом воздухе. Я видел там различные группы людей. В одной из этих групп мужчина говорил о системе образования. В другой группе произносилась речь на финансовую тему. В третьей группе вели дискуссию о религии, в то время как в четвертой спикер выступал против всей политики правительства. Он резко нападал на правительство, а всего в нескольких ярдах от него стоял полицейский, спокойно регулируя уличное движение! Я хотел бы быть художником, чтобы запечатлеть эту сцену, которая столь меня поразила. Приехав из страны, в которой любые религиозные собрания расценивались как злостные преступления, я смотрел на все это и не верил своим глазам.

Меня переполняли противоречивые чувства. Я думал о своей стране, где в то время нельзя было организовать даже маленькое религиозное собрание, не говоря уже о политическом митинге, меня охватило чувство стыда за правительство России и жалость к своему народу. Я твердил одно лишь слово: "Свобода! Свобода!"

Я жадно знакомился с английской религиозной литературой. Конечно, я был ошеломлен ее количеством, разнообразием и богатством.

Материальное богатство Великобритании тоже произвело на меня глубокое впечатление. Я смотрел как на чудо на Лондонский музей, Хрустальный дворец, Вестминстер и многие другие здания. Но особенно мне запомнилось впечатление от

посещения магазинов, торгующих предметами из слоновой кости в Лондоне на товарном складе на Темзе. Я увидел огромный ангар длиной почти с мило, заполненный большими бивнями слонов. "О, — сказал я, — вот оно, настоящее богатство!"

Я поднимаю тост за Великобританию и Россию

Я помню, как в Бристольском Баптистском колледже проводили ежегодный обед. Каждый студент должен был сказать краткую речь. В своей речи я сказал: "Англия — страна контрастов. С одной стороны, она одна из ведущих торговых и индустриальных стран, с другой стороны, она дала миру величайших поэтов — Шекспира и Байрона. И еще, будучи без сомнения одной из наиболее религиозных стран, она в то же время произвела величайших рационалистов и ученых-материалистов — Дарвина и Спенсера. И таких примеров контрастов множество. Бесспорно, Англия — лучшая страна в мире..."

Аудитория громко зааплодировала. Я продолжал стоять, улыбаясь. Когда аплодисменты смолкли, я спокойно добавил: "После России!" Аудитория разразилась еще более бурными аплодисментами.

Чем дальше я находился за границей, тем сильнее росло желание вернуться в мою дорогую страдающую Россию, чтобы посвятить все свои силы и энергию евангелизации. Я мечтал о распространении этой работы на все славянские страны.

Примерно в это время я получил предложение отправиться в Галицию, провинцию Австро-Венгрии, примыкавшую к России, и создать там центр для своей работы по евангелизации. Но в моем сердце росло решение вернуться в Россию любой ценой и сделать центром работы Санкт-Петербург. Я вспомнил, как однажды, будучи студентом в Баптистском колледже Стоукс Крофт в Бристоле, я думал во время учебы о России и о духовном невежестве своего народа, и меня так переполняло желание вернуться домой, что я опустился на колени и молился, прося Бога помочь мне вернуться в Санкт-Петербург и сделать город центром своей евангелической работы.

Но прежде чем вернуться, я хотел как следует подготовиться. В мои планы входило намерение лучше ознакомиться с немецкой и французской школами теологии. Для этого я решил провести полгода в Берлинском университете и полгода — в Парижском.